

ДУХОВНЫЙ МИР А. С. МАКАРЕНКО

*М.Ф. Гетманець, І.О. Гетманець
ДУХОВНИЙ СВІТ А.С. МАКАРЕНКА*

На основі відомих і маловідомих джерел у статті характеризується духовний світ А.С.-Макаренка в його молоді роки та в пору зрілості. Зроблено висновок про те, що він був одним із найбільш освічених людей свого часу і що його педагогічна теорія виникла на ґрунті загальнолюдських досягнень у галузі гуманітарних наук і культури. Вона збагачувала новими ідеями методологію виховання людини, що утвердилася в світовій практиці, через що Макаренко визначний визначним педагогом ХХ-го століття і його ім'я стоїть у ряду класиків педагогіки.

Ключові слова: духовний світ, гуманітарні науки, культура, методологія виховання, класик педагогіки.

*М.Ф. Гетманец, И.О. Гетманец
ДУХОВНЫЙ МИР А.С. МАКАРЕНКО*

На основе известных и малоизвестных источников в статье характеризуется духовный мир А.С. Макаренко в годы его молодости и в пору зрелости. Сделан вывод о том, что он был одним из широкообразованных людей своего времени, а его педагогическая теория возникла на фундаменте общечеловеческих достижений в области гуманитарных наук и культуры. Она обогащала новыми идеями методологию воспитания человека, которая утвердилась в мировой практике, поэтому Макаренко признан выдающимся педагогом ХХ-го столетия и его имя стоит в ряду классиков педагогике.

Ключевые слова: духовный мир, гуманитарные науки, культура, методология воспитания, классик педагогике.

*M.F. Getmanets, I.O. Getmanets
SPIRITUAL A.S. MAKARENKO*

The spiritual world of A.S. Makarenko in his youth and maturity is characterized on the basis of well known and little known sources. The conclusion that he was one of the well-educated people of his time and his pedagogical theory arose on the basis of universal achievements in the sphere of the humanities and culture is made. It enriched the methodology of developing a person, which was established in the world practice, with new ideas. That's why Makarenko was acknowledged to be an outstanding educator of the XX century and his name stands in one line with the classics of pedagogy.

Key words: spiritual world, the humanities, culture, methodology of developing, classic of pedagogy.

С высоты XXI века стало очевидным, что научно-педагогическое и литературное наследие Антона Семёновича Макаренко стало достоянием общечеловеческой культуры, а его имя заняло почётное место в ряду наиболее выдающихся педагогов мира. Автор большого историографического труда “А.С. Макаренко в СССР, России и мире. 1939 – 2005” А.А. Фролов приводит факты, свидетельствующие о том, что его педагогическое учение получило признание педагогов различной идеологической ориентации во всех странах мира [4]. Примечательно, что мировым центром макаренковедения стала не Украина и не Россия, где жил и работал Макаренко, а Германия – Марбургский университет, в котором ещё в 1968 году была создана лаборатория Makarenko-Referat по изучению и пропаганде наследия педагога-писателя. При составлении “Библиотеки педагогов-классиков” немецкие учёные поставили Макаренко в один ряд

с Платоном, Я.А. Коменским, Д. Локком, Ж.Ж. - Руссо, И.Ф. Гербертом, И.В. Гёте, Ф.Д. Шлейермахером, Т. Литтом [4, с. 23].

Продолжающиеся дискуссии вокруг педагогической теории Макаренко свидетельствуют о том, что она оказалась новаторской и затронула основные принципы воспитания человека, утвердившиеся в мировой практике. Однако есть ещё педагоги, которые пытаются представить Макаренко практиком, добившимся успехов только в узкой сфере перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. Цель данной статьи – раскрыть духовный мир выдающегося педагога и показать, что его педагогическая система возникла на прочном фундаменте общечеловеческой культуры и была востребована новыми задачами духовного развития человечества в ХХ-ом веке.

Несмотря на то, что в открывшихся в последние десятилетия источниках содержится много фактов, характеризующих интеллектуальный

облик Макаренко, уровень его образованности и культуры, этот материал до сих пор остается не систематизированным и не обобщенным. Между тем достаточно было бы привести список имен философов, историков, педагогов, писателей, драматургов, композиторов, встречающихся в письмах, статьях, выступлениях, записных книжках, воспоминаниях брата, чтобы убедиться в том, каким широким был круг его духовных интересов. В связи с этим заслуживает внимания также личная библиотека писателя-педагога, переданная в свое время его вдовой в Кременчугский музей. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют в какой-то мере проследить процесс духовного развития Макаренко, охарактеризовать его интеллектуальный мир на определенных этапах жизни.

К юным годам относится информация, содержащаяся в воспоминаниях брата – Виталия Семеновича. “Сколько я ни помню А. (Антон – М.Г., И.Г.), – пишет Виталий Семенович, – я вижу его постоянно с какой-нибудь книгой. Он обладал колоссальной памятью, и его способность ассимиляции была, впрямь, неограниченна. Без преувеличения можно сказать, что в то время он, конечно, в Крюкове был самым образованным человеком на все 10 000 населения. Что он читал – я затрудняюсь сейчас вспомнить все научные книги, прочитанные им, так как в то время эти книги были для меня недоступны по содержанию, – тут была и философия, и социология, и астрономия, и естествознание, и художественная критика, но, конечно, более всего он читал художественные произведения, где он прочел буквально все, начиная от Гомера и кончая Гамсуном и Максимом Горьким” [1, с. 32 – 33].

Среди прочитанных научных книг, свидетельствует брат, на первом месте была история. Он перечисляет запомнившиеся ему имена историков – Ключевский, Платонов, Костомаров, Миллюков, Грушевский, Шильдер. Кроме того, он помнит, что Антон прочитал всех древних римских историков и историков французской революции.

После истории на второе место ставит Виталий Семенович философию. “Боюсь впасть в ошибку, – пишет он, – я не называю имен авторов – скажу только, что он особенно увлекался Ницше и Шопенгауэром. Большое впечатление на него произвели произведения В. Соловьева и Э. Ренана и книга Отто Вайнингера “Пол и характер”” [1, с. 33].

Из художественной литературы Антон Семенович читал буквально все, что появлялось в то время на книжном рынке. Из русских писателей в воспоминаниях названы: Горький, Андреев, Короленко, Чехов, Куприн, Вересаев, Чириков, Скиталец, Серафимович, Арцыбашев, Сологуб, Мережковский, Шеллер-Михайлов, Аверченко, Найденов,

Сургучев, Тэффи, Блок, Брюсов, Бальмонт, Фофанов, Гиппиус, Городецкий. Западные писатели представлены такими именами: Кнут Гамсун, Г. Ибсен, А. Стриндберг, О. Уайльд, Дж. Лондон, Г. Гауптман, Б. Келлерман, Г. д’Аннунцио, А. Франс, М. Метерлинк, Э. Ростан. Виталий Семенович отмечает, что кумирами эпохи были Максим Горький, Леонид Андреев и Кнут Гамсун, к творчеству которых проявлял большой интерес и Антон Семенович.

К этому следовало бы добавить рано пробудившуюся у него любовь к музыке и театру. По свидетельству брата, Антон играл на скрипке (правда, не очень профессионально) и очень увлекался театром. При всяком благоприятном случае он из Кременчуга ездил в Киев, чтобы посмотреть спектакли киевских театров.

Приведенные сведения дают основания сделать вывод о том, что молодой Макаренко был довольно образованным интеллигентом, широко эрудированным в области гуманитарных наук, а также художественной литературы и театрального искусства.

О том, с каким духовным багажом вступил Макаренко на поприще профессиональной деятельности, даёт представление документ 1922 года, хранящийся в Центральном государственном архиве России под названием “К заявлению А. Макаренко. Вместо коллоквиума”. История его такова. Проработав два года в Полтавской колонии несовершеннолетних правонарушителей в хуторе Трибы, создав нормальное по тем временам воспитательное учреждение и присвоив ему имя Горького, Макаренко решил поступить в Центральный институт организаторов народного просвещения им. Е. А. Литкенса в Москве, чтобы освежить знания в области педагогики и “огромный опыт двух лет, вызвавший много вопросов, обработать научным образом”. В институт принимали на основании собеседования (коллоквиума). Не имея возможности приехать на экзамен, он написал заявление с просьбой о зачислении и приложил к нему краткую характеристику знаний по разным наукам под названием “Вместо коллоквиума”. Этот документ настолько показательный, что приведем его с небольшими сокращениями.

“Вместо коллоквиума

В области предметных дисциплин систематические знания получил я в Учительском институте.

Математикой никогда особенно не интересовался, поэтому арифметика, геометрия, алгебра, тригонометрия и физика мне знакомы только в пределах курса дореволюционного Учительского института.

Природоведение. Разумеется, совершенно свободно себя чувствую в области физиологии животных и растений. Анатомические знания сла-

бы. Забыл многие частности из геологии. Астрономию знаю хорошо и занимаюсь практически в Полтавском музее. Впрочем, знания по астрономии и космографии у меня продукт увлечения юности.

Солидные знания имею в общей биологии. Несколько раз прочитывал всего Дарвина, знаю труды Шмидта и Тимирязева, знаком с новейшими [идеями] дарвинизма. Читал Мечникова и кое-что другое.

Химию практически не знаю, забыл многие реакции, но общие положения и новейшая философия химии мне хорошо известны. Читал Менделеева, Морозова, Рамзая. Интересуюсь радиоактивностью.

Географию знаю прекрасно, в особенности промышленную жизнь мира и сравнительную географию. Свободно чувствую себя в области экономической политики, знаком с ее историей и зародышами будущих форм. Все это, разумеется, не из учебников. Очень интересуюсь Австралией и Новой Зеландией.

История – мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьева. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Кареева. Вообще говоря, вся литература по истории, имеющаяся на русском языке, мне известна. Специально интересуюсь феодализмом во всех его исторических и социологических проявлениях. Прекрасно знаком с эпохой Великой французской революции. Гомеровскую Грецию знаю после штудирования Илиады и Одиссеи.

По социологии, кроме социологических этюдов указанных исторических писателей, знаком со специальными трудами Спенсера, М. Ковалевского и Денграфа, а также с Ф-де Куланжем и де Роберти. Из социологии лучше всего известны исследования о происхождении религии, о феодализме.

В области политической экономии и истории социализма штудировал Туган-Барановского и Железнова. Маркса читал отдельные сочинения, но “Капитал” не читал, кроме, как в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова, Ленина...

Логику знаю очень хорошо по Челпанову, Минто и Троицкому.

Читал все, что имеется на русском языке, по психологии. В колонии сам организовал кабинет психологических наблюдений и эксперимента, но глубоко убежден в том, что науку психологию нужно создавать сначала.

Самым ценным, что было до сих пор сделано в психологии, считаю работы Петражицкого. Читал многие его сочинения, но “Очерки теории

права” не удалось прочесть.

Индивидуальную психологию считаю не существующей – в этом больше всего убедила меня судьба нашего Лазурского. Независимо от вышеизложенного, люблю психологию, считаю, что ей принадлежит будущее.

С философией знаком очень несистематично. Читал Локка, “Критику чистого разума” [Канта], Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и Бергсона. Из русских очень добросовестно изучил Соловьева. О Гегеле знаю по изложениям.

Люблю изящную литературу. Больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не люблю, терпеть не могу Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького, и Ал. Н. Толстого. В области литературных образов много приходилось думать, и поэтому мне удалось самостоятельно установить их оценку и произвести сопоставление. В Полтаве пришлось довольно удачно поработать над составлением вопросника к отдельным произведениям литературы. Я думаю, что обладаю способностями (небольшими) литературного критика.

О своей специальной области – педагогике много читал и много думал. В Учительском институте золотую медаль получил за большое сочинение “Кризис современной педагогики”, над которым работал 6 месяцев” [2, с. 9 – 10].

Что касается педагогики, то Макаренко, действительно, глубоко знал наследие выдающихся педагогов России и Запада. В “Педагогической поэме” и в ряде статей упоминаются Я. Коменский, Ж. Руссо, И. Песталоцци, Л. Толстой, К. Ушинский и др. В своей педагогической деятельности он придавал большое значение психологии, поэтому наряду с этими именами упоминаются Дж. Дьюи, В. Вундт, И. Сеченов, П. Блонский и др.

К сожалению, прочился Макаренко в институте вместо года всего два неполных месяца – с 14.X по 27.XI 1922 года. Ситуация в колонии настолько осложнилась, что он был вынужден срочно прервать учебу. “Вследствие полученных мною сообщений от воспитанников и воспитателей Полтавской трудовой колонии, – писал он в заявлении, – считаю необходимым немедленно возвратиться в колонию, чтобы вовремя остановить процесс ее распада” [3, с. 13].

На основании этого документа можно сделать вывод о том, что, приступая к работе в качестве заведующего колонией, 32-х летний Макаренко был опытным, широко образованным, теоретически подготовленным педагогом, который, опираясь на достижения научной мысли и свой опыт, задумывался над поисками новых путей воспитания человека.

Не ограничиваясь приобретенным бага-

жом, Макаренко постоянно рос и развивался как личность, о чем свидетельствует его личная библиотека, хранящаяся в Кременчугском Педагогико-мемориальном музее. Следует отметить, что до сих пор фактически никто из исследователей не проявил к ней интереса.

В собрании книг Макаренко на первом месте история, философия и художественная литература. По истории насчитывается свыше 150 книг. Здесь представлены труды известных историков – В. Ключевского, М. Покровского, П. Милюкова, Г. Миллера, Б. Грекова, а также забытого теперь Н. Рожкова, автора 12-томной “Русской истории в сравнительно-историческом освещении”, вышедшей в 1928 году вторым изданием. Значительно место занимают книги по всемирной истории, по новой истории Европы, по развитию революционного движения в России. Полностью представлено многотомное издание В. Семенова “Россия. Полное географическое описание нашего отечества”, вышедшее в начале XX века, до Первой мировой войны. Занимали Макаренко вопросы развития экономики, культуры, общественных отношений, о чем свидетельствуют такие издания, как “О воспроизводстве в античной общественной формации” А. Мишулина, “Подсечное земледелие в Восточной Европе” П. Третьякова, “Завалишенский клад куфических монет” Р. Фасмера, “Костромские курганы” П. Третьякова, “Отчет о раскопках в Ольвии” С. Семенова-Зусера и др. Складывается впечатление, что Макаренко действительно была известна вся историческая литература на русском языке. Следует подчеркнуть, что в библиотеке значительное место занимают книги по истории Украины – Грушевского, Костомарова, Яворницкого, Аркаса, Семенова-Зусера и др.

Об интересе Макаренко к философии свидетельствует тот факт, что в личной библиотеке есть книги, изданные при его жизни: Маркс К. Ницше философия. – Петербург, 1920; К критике политической экономии. – Одесса, 1923; Энгельс Ф. О России. – Харьков, 1924; Анти-Дюринг. – М., 1931; Гегель. Лекции по эстетике. Соч. т. 12. – М., 1938; Лукреций. О природе вещей. – М., 1936.

Значительно место занимают книги по педагогике, среди которых есть такие: “О воспитании при строе гармонии” Ш. Фурье, “Педагогическая хрестоматия” (Коменский, Локк, Руссо, Ушинский, Пирогов)” 1907 года издания, “Современные педагогические течения в Западной Европе и Америке” (1913), “Хрестоматия по истории педагогики” в 4-х томах (1936), монография о С. Т. Шацком (1935) и др.

В библиотеке представлены сочинения таких русских писателей: Пушкина, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Горького, Тютчева, Помяловского, Чехова, Белинского, Писарева, Добролюбова, из современников – Федина, А. Толстого, При-

швина, Первенцева, Маяковского, Фурманова, Хлебникова, Эренбурга, Малышкина, Чуковского. Из украинской литературы – книги Шевченко, Бажана, Панча, Первомайского, Иваненко, Копыленко, Рыбака, Яновского. Можно предположить, что вдова передала в Музей не все книги, а оставила какую-то часть для себя. Об этом свидетельствует тот факт, что отсутствуют книги Шолохова, любимого писателя Макаренко, нет книг Л. Толстого, Короленко, Некрасова, Лермонтова, которых он высоко ценил и на произведения которых часто ссылался.

Наличие в библиотеке значительного количества книг зарубежной литературы свидетельствует о том, что он хорошо знал западных писателей. Среди них такие имена, как Шекспир, Бальзак, Гейне, Гюго, Ибсен, Дидро, Твен, Флобер, Фейхтвангер, Синклер, Дос Пассос, Шарль де Костер, Барбюс, Лонг.

О глубоко профессиональном интересе к литературе свидетельствуют не только сочинения писателей, но и книги критиков, ученых-литературоведов, посвященные творчеству писателей и отдельным историко-литературным проблемам. Вот некоторые из них: “Сочинения Белинского”, “Избранные произведения” и “Литературно-критические статьи” Н. Добролюбова, “Избранные сочинения в двух томах” Д. Писарева. Интересовался он и трудами современных ему литературоведов: “Биография Л. Толстого в двух томах” П. Бирюкова, “Любовь к жизни Л. Толстого” В. Жданова, “Как работал Гоголь” В. Вересаева, “Тарас Шевченко” К. Паустовского, “Житие протопопа Аввакума, им самим написанное” Н. Гудзия, “Житие Алексея – Божия человека в древнерусской литературе и народной словесности” В. Адриановой-Перетц, “Слово о полку Игореве” с комментариями В. Ржиги и С. Шамбинаго. Есть в библиотеке и книги таких известных ученых, как Н. Марр, С. Балухатый, И. Нусинов, В. Кирпотин и др.

Как уже отмечалось, Макаренко очень любил театр, особенно оперу. “И оперу очень люблю, не камерную, а настоящую, с парчой, с оркестром в 90 человек, с бутафорией и плохой игрой”, – писал он одной корреспондентке. В Мемориальном музее г. Кременчуга хранятся 44 театральные программы оперных спектаклей, которые он посетил. Складывается впечатление, что он прослушал весь оперный репертуар театров 30-х годов: русские оперы – “Садко”, “Снегурочка”, “Царская невеста”, “Сказка о царе Салтане” Римского-Корсакова, “Руслан и Людмила”, “Евгений Онегин”, “Мазепа”, балеты “Лебединое озеро”, “Спящая красавица”, “Щелкунчик” Чайковского, “Борис Годунов” Мусоргского, “Князь Игорь” Бородина, “Демон” Рубинштейна; западные – “Кармен” Бизе, “Свадьба Фигаро” Моцарта, “Тибель богов” Вагнера, “Трубадуры” Обри, “Фауст” Гуно, “Травиа-

та” Верди, “Севильский цирюльник” Россини и др.

Есть в библиотеке биографические очерки, статьи и исследования, посвященные композиторам, свидетельствующие свидетельствуют о том, что Макаренко проявлял углубленный интерес к их жизни и творчеству. Например: “Борис Годунов”. Статьи и исследования”, “Избранные статьи” Р. Вагнера, “Николай Андреевич Римский-Корсаков. Очерк его музыкальной деятельности”, “Михаил Иванович Глинка. Очерк его жизни и деятельности” Н. Финдейзена, “Моцарт. Краткий очерк жизни и творчества” Ю. Кремлева и др.

В письмах Макаренко встречаются имена, кроме тех, что уже назывались, многих других писателей. Русских – Бабель, Белых, Бунин, Гайдар, Гладков, Жуковский, Ляшко, А.Н. Островский, Тренёв, Серафимович, Соболев, Ставский, Сухово-Кобылин, Фадеев, Финк; нерусских – Бичер Стоу, Брандес, Жюль Верн, Данте, Руставели, Стендаль, Тагор.

Рассмотренный материал дает представление о богатстве духовного мира Макаренко, о высоком уровне его образованности и культуры. В первом поколении советских писателей трудно сравнить с ним кого-либо, в этом отношении недостижимым образцом для всех был только М. Горький.

Второй вывод состоит в том, что почву

новаторской педагогической теории писателя-педагога составлял синтез его разносторонних знаний в области истории, философии, психологии, педагогики и художественной литературы, которую М. Горький называл “человековедением” – наукой о человеке. Ошибаются те, кто считает Макаренко практиком, пришедшим в педагогику как удачливый руководитель колонии беспризорных детей. За его плечами был не только опыт педагога-практика, но и огромная работа по теоретическому осмыслению весьма обширного общекультурного наследия. Именно благодаря этому его педагогическая теория знаменовала собой новый этап в развитии педагогической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко Виталий. Мой брат Антон Семенович / В. Макаренко. – Марбург, 1985. – 202 с.
2. Макаренко А. С. Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения // Педагогические соч. в 8 т. / А.С. Макаренко. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1983. – С. 8–11.
3. ЦГА России, ф. 7954, оп. 2, ед. хр. 266.
4. Фролов А. А. С. Макаренко в СССР, России и мире. 1939 – 2005 гг. / А. Фролов. – Нижний Новгород, 2006. – 416 с.

УДК 821.161.1-1

А.Г. Козлова

БИБЛЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ГОРОДНИЦКОГО

А.Г. Козлова

БІБЛІЙНІ ОБРАЗИ ТА МОТИВИ У ПОЕЗІЇ ОЛЕКСАНДРА ГОРОДНИЦЬКОГО

У статті аналізуються форми репрезентації біблійних образів та мотивів у творчості відомого російського поета, барда Олександра Городницького. Зазначається, що поет активно звертається до християнського дискурсу, використовує різні біблійні образи та конфесійну лексику. Розвиток творчості йде від використання окремих біблійних образів до розгортання мотивів. Окремо розглядається мотив “ісходу”.

Ключові слова: образ, мотив, мотивний аналіз, християнський дискурс.

А.Г. Козлова

БИБЛЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ГОРОДНИЦКОГО

В статье анализируются формы репрезентации библейских образов и мотивов в творчестве известного российского поэта, барда Александра Городницького. Отмечается, что поэт активно обращается к христианскому дискурсу, использует разные библейские образы и конфессиональную лексику. Развитие творчества идет от использования отдельных библейских образов до развертывания мотивов. Отдельно рассматривается мотив исхода.

Ключевые слова: образ, мотив, мотивный анализ, христианский дискурс.

A.G. Kozlova

BIBLE IMAGES AND MOTIVES IN ALEXANDER GORODNITSKY'S POETRY

Different forms of bible image and motive representation in famous Russian singer poet Alexander Gorodnitsky works are analyzed. It is discovered that the poet often uses Christian discourse and bible images